

ИРИНА МОНАХОВА

ЖИВОЙ ИДЕАЛ ПРАВДЫ И ЧЕСТИ

К 200-летию со дня рождения Н. В. Станкевича

В 2013 году (27 сентября по старому стилю, 9 октября – по новому) исполняется 200 лет со дня рождения Николая Владимировича Станкевича (1813–1840) – философа, поэта, просветителя, создателя и руководителя знаменитого “кружка Станкевича”, оказавшего большое влияние на культурную и общественную жизнь России в XIX веке. Это общество молодых литераторов и философов, объединенных научными интересами, любовью к искусству и, главное, стремлением к познанию истины, к самосовершенствованию. Среди участников кружка были В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, Т. Н. Грановский, К. С. Аксаков, А. В. Кольцов, В. П. Боткин, Я. М. Неверов, А. П. Ефремов, И. П. Ключников, В. И. Красов, М. Н. Катков и др.

Кружок Станкевича был одним из самых замечательных явлений в интеллектуальной и духовной жизни своего времени. Участники кружка – в основном студенты и выпускники Московского университета. Им были тесны рамки “официальной” учености, они стремились по-новому осмыслить литературу, искусство. А философия для них была не только наукой, но и, может быть, самой живой частью их жизни, проникавшей в их эстетические взгляды и сопутствовавшей в их поисках смысла всего происходящего и жизни человека, в осмыслении истории и роли и места личности в обществе и мироздании. И это было не отвлеченным умозрением, а самым насущным делом.

Здесь молодые люди обсуждали, спорили, делились новыми знаниями из области философии, но не повторяя университетскую программу, а приобщаясь к последним достижениям европейской философской мысли – к идеям Гегеля, Канта, Фихте, Шеллинга и стремясь творчески развивать их. Кружок Станкевича для его участников стал фактически вторым университетом, причем образовывавшим не только их умы, но и души. Как отмечает Ю. В. Манн, “в двадцать лет с небольшим Станкевич встал вровень с лучшими умами Европы, выражая своими запросами и тревогой самые последние искания научной мысли. <...> Перед русской философией и эстетикой вставала в то время труднейшая задача – освоить все богатство гегелевской мысли, для того чтобы, преодолев ее слабые стороны, двигаться дальше”¹. По словам Станкевича, преподававший ему и Т. Н. Грановскому философию в Берлине профессор Вердер “сознался, что до сих пор он увлекался общим мнением о русских, что они способны только одеваться в чужое образование – а теперь видит самостоятельные мысли”².

Именно Станкевич привлек внимание членов кружка к философскому познанию действительности, считая, что научное познание – это не самоцель, а основа для “постройки жизни”, по его выражению: “Философия есть ход к абсолютному. Результат ее есть жизнь идеи в самой себе. Наука кончилась.

Далее нельзя строить науки и начинается постройка жизни³). Во многом под его влиянием сформировался у них пристальный интерес к философии, в том числе у В. Г. Белинского и М. А. Бакунина. Станкевич стоял как бы у истоков их дальнейшего философского пути и идейного развития. Особенно их роднило непосредственное, жизненное отношение к философии не только как к отвлеченной схеме, но и как к основе для преобразования жизни и человека.

Станкевич, на первый взгляд, мог показаться оторванным от жизни ученым (особенно по сравнению с В. Г. Белинским, да и с М. А. Бакуниным тоже). Некоторые друзья даже называли его “небесным”, так же как Виссариона Белинского — “неистовым” (по словам П. В. Анненкова, “Станкевич был служителем истины в чистой, отвлеченной мысли, в примере своей жизни, и никогда не мог бы служить ей на буйной ярмарке современности⁴). Однако, по существу, им двигал вовсе не абстрактный интерес к науке, а стремление претворить в жизнь и передать людям плоды своего таланта, но путь к этому был для него слишком сложен и не вполне ясен, и Станкевич постоянно его искал: “Философию я не считаю моим призванием, — подчеркивал он. — Она, может быть, ступень, через которую я перейду к другим занятиям, но прежде всего я должен удовлетворить этой потребности. И не столько манит меня решение вопросов, которые более или менее решает вера, сколько самый метод как выражение последних успехов ума. Я еще более хочу убедиться в достоинстве человека и, признаюсь, хотел бы убедить потом других и пробудить в них высшие интересы⁵”.

Даже религию он пытался постичь путем философии (“искал еще в философии опоры своему живому религиозному чувству⁶, по словам П. В. Анненкова) — такова была надежда на разум человека и его просвещенность. Поначалу осознанная религия как нечто неосознаваемое умом (“между бесконечностью и человеком, как он ни умен, всегда остается бездна, и одна вера, одна религия в состоянии перешагнуть ее, она одна способна заполнить пустоту, вечно остающуюся в человеческом знании. Но та система хороша, которая не мешает верованиям, составляющим интегральную часть человеческого существа, и содержит побуждения к добрым подвигам!⁷”), он в дальнейшем в познании этого бесконечного явления надеется на разум (“Да и чем передается тебе религия? не умом ли? Разве верование не есть мысль, мысль, одобряемая целым разумением, которое невольно и безотчетно сознает свое единство с нею?⁸”; “Кто бескорыстно ищет истины, тот уже очищает душу и приготавливает ее к принятию божества. Царство истины — царство Божие; оно в мире, но не от мира⁹), признавая, однако, что состояние души — еще более верный путь к вере. Это “невольная вера, основанная на знании разумного начала¹⁰, да и знание здесь уже, по-видимому, тоже имеется в виду “невольное” — “знание” души: “От внутренней гармонии необходимо рождается вера в самом даже невыгодном положении, и отчаяние есть знак больной, разодранной противоречием души¹¹”. Даже в смерти Станкевич боялся именно прекращения мысли.

Философский взгляд отличает и его стихи. Вот стихотворение 16-летнего Станкевича:

Надпись к памятнику Пожарского и Минина

*Сыны отечества, кем хищный враг попран,
Вы русский трон спасли, — вам слава достоянье!
Вам лучший памятник — признательность граждан,
Вам монумент — Руси святой существованье.*

[1829 г.]

Важной идеей была и новая эстетика, новое понимание сущности искусства, включая художественную литературу, и его отношения к жизни. Об этом шла речь в неоконченной работе Станкевича “Об отношении философии к искусству”. Поиск Станкевичем новой эстетики, способной стать основой для понимания искусства в новую эпоху, — это представляло насущный интерес и для Белинского, ярким результатом которого стала его статья “Литературные мечтания”. В ней основательно запечатлелся дух кружка Станкевича — отрицание всего фальшивого, напыщенного, “ложновеличавого” в литературе и поиск истинной поэзии (“рожденной”, а не “смастеренной”) и истинной народности (выражающей дух народа, а не внешние атрибуты его быта).

Станкевич во многом способствовал созданию той интеллектуальной среды, которая, с одной стороны, сфокусировала запросы и устремления молодых ученых и литераторов, а с другой стороны — послужила для них питательной почвой для их дальнейшего творческого роста.

Велика роль Станкевича и в судьбе поэта А. В. Кольцова и вообще в том, что в русской литературе существует это поэтическое имя и его творчество. Вряд ли поэт-прасол смог бы самостоятельно, без участия Станкевича преодолеть тяжелое притяжение своей среды и вырваться на столь высокую орбиту всеобщего признания.

Станкевич называл своих товарищей — “братия”, и одной из замечательных особенностей кружка было то, что в нем легко объединялись люди совершенно разные по происхождению, имущественному положению, образованию. Они были кто из помещиков, кто из купцов, кто из мелких чиновников. Некоторые из них были весьма обеспеченными, а некоторые — бедными, почти нищими. Одни окончили университетский курс, другие — нет, а Кольцов вообще почти не имел образования. Конечно, всем им открыто было (не без помощи Станкевича) нечто большее, что было над сословностью и принадлежностью к определенному роду деятельности, на которую, казалось бы, каждый из них был “обречен” от рождения. А. И. Герцен писал в “Былом и думах” об этой особенности кружка Станкевича: “Что же коснулось этих людей, чье дыхание пересоздало их? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие — свою бедность и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов. Интерес истины, интерес науки, интерес искусства, *humanitas*¹² — поглощает всё”¹³.

Таким образом, кружок Станкевича (действовавший с начала до конца 1830-х годов) — это своего рода прообраз русской интеллигенции, которая в то время начала формироваться. И уже в середине 1840-х годов в статье “Мысли и заметки о русской литературе” Белинский отмечал как развивающуюся тенденцию создание определенного слоя общества (“образованной общественности” — так он именовал тех, кого позже назовут интеллигенцией) на основе общности духовных и интеллектуальных запросов и устремлений людей из разных сословий: “В наше время уже нисколько не редкость встретить дружеский кружок, в котором найдется и знатный барин, и разночинец, и купец, и мещанин, — кружок, члены которого совершенно забыли разделяющие их внешние различия и взаимно уважают друг в друге просто людей. Вот истинное начало образованной общественности, созданное у нас литературою! Кто из имеющих право на имя человека не пожелает от всей души, чтоб эта общественность росла и увеличивалась не по дням, а по часам, как росли наши сказочные богатыри!”¹⁴.

Особенно большое значение кружок Станкевича — это общество Любомудров, искателей истины — имел для Белинского, для его идейного развития, для его творчества, которое, в свою очередь, оказало огромное влияние на самосознание и нравственное развитие русского общества. Для Белинского этот круг друзей и единомышленников стал воплощением всего лучшего в его московской жизни. В 1839 году в письме к уехавшему за границу тяжело заболевшему чахоткой Станкевичу он ностальгически восклицал: “О, если бы ты опять стал жить в Москве, и мы, разрозненные птенцы без матери, снова слетелись бы в родимое гнездо!”¹⁵.

Действительно, он был центром и вдохновителем созданного им кружка, обладавшим какой-то необыкновенной силой притяжения. Белинский замечал в письме М. А. Бакунину (1838 года): “Станкевич никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом, потому что все добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры над своею”¹⁶. Т. Н. Грановский вспоминал о Станкевиче: “Никому на свете не был я так обязан: его влияние на меня было бесконечно и благотворно”¹⁷; “Он был нашим благодетелем, нашим учителем, братом нам всем, каждый ему чем-нибудь обязан. Я больше других”¹⁸.

Личность Станкевича значила для его друзей нечто гораздо большее, чем просто надежный друг, наставник и интересный собеседник. Обладая по природе своей необыкновенным душевным тактом и внутренней (а не только внешней) красотой, он был как бы нравственным камертоном кружка. По за-

мечанию его первого биографа П. В. Анненкова, “Станкевич действовал обаятельно всем своим существом на сверстников: это был живой идеал правды и чести, который в раннюю пору жизни страстно и неутомимо ищется молодостью, живо чувствующею свое призвание”¹⁹, а главная наука, в которой они нуждались и которую получали от него (наряду с философией и эстетикой и, наверное, прежде них), была “доблестная наука сбережения души, воспитания воли, неослабного бодрствования в благих помыслах”²⁰, поэтому все знавшие Станкевича при его жизни “были нравственно подняты им и были, хоть на мгновение, *выше себя*. А не есть ли это настоящая и важнейшая задача всякого деятеля”²¹.

П. В. Анненков также замечает: “Искусство и философия сделали Станкевича человеком, которого одно присутствие настраивало окружающих на правду, на презрение к темным деяниям грубости и произвола, на сохранение в моральной целостности души своей и на созерцание всего мира, как единой жизни, исполненной смысла, поэзии и глубокого поучения”²²; “Поэтический элемент у Станкевича <...> сосредоточился <...> внутри его души, проник в характер его, осветил его мысли, побуждения, инстинкты, определил самые поступки его и даже внешнюю форму их: Станкевич, благодаря ему, обратился сам в полное поэтическое существо. <...> Философско-поэтический элемент, присутствовавший в Станкевиче, был именно тем деятелем, который волновал сердца и выводил их из летаргии. Куда бы животворный элемент этот ни обращался в течении своем, он увлекал за собою даже самые упорные, самые ленивые натуры. <...> Поэзия и мысль чувствуются попеременно или в одно и то же время, как основной мотив, почти во всех его поступках, словах и начинаниях. <...> Одно его присутствие сообщало окружающим нечто похожее на теплое, радостное чувство: его можно было и тогда сравнить с подземным ключом, существование которого узнается по одной роскоши зелени, распространяемой им в круге своего влияния?”²³.

Как вспоминал И. С. Тургенев, “во всем его существе, в движениях была какая-то грация и бессознательная *distinction*²⁴ – точно он был царский сын, не знавший о своем происхождении. <...> Невозможно передать словами, какое он внушал к себе уважение, почти благоговение. <...> Станкевич оттого так действовал на других, что сам о себе не думал, истинно интересовался каждым человеком и, как бы сам того не замечая, увлекал его вслед за собою в область Идеала”²⁵.

“Разговор его, в сущности, был ничто иное, как искание той благодатной искры, которая способна озарить душу человека, – приводит П. В. Анненков единодушное свидетельство близких знакомых Николая Владимировича. – Разговор со Станкевичем всегда был делом, о чем бы он ни шел, <...> беседа его обыкновенно подымала множество вопросов в глубине сознания, и <...> после каждой такой беседы слушатель чувствовал как бы прирост новых нравственных сил”²⁶.

И даже через десятилетия не знавший его лично Л. Н. Толстой, прочитав его биографию и письма, написал о Станкевиче поразительные слова: “Вот человек, которого я любил бы, как себя”; “Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видел. Что за чистота, что за нежность! что за любовь, которыми он весь проникнут”²⁷ (из писем Л. Н. Толстого Б. Н. Чичерину и А. А. Толстой, 1858 год).

Сам же Станкевич признавался в одном из писем: “Для одних любовь – забава, для других – наслаждение духовное, как наслаждение искусства; для меня она – религия; для меня она – жизнь, жизнь такая, какую будет жить преображенное человечество, воздух, которым будет дышать оно”²⁸. Вот это удивительное свойство ощущать гармонию жизни несмотря ни на что – это не только философский склад ума, но и особенный, редкий склад души, который так много значил для всех даже самим своим присутствием в их судьбах. “Как неистребимо это суеверное упование на судьбу, которая холодно и неумолимо разрушает лучшие мечты наши! – восклицал он. – И, может быть, в самом деле ведет она, но ее руководством пользуются те, которые переживают нас; ее забота в том, чтоб мы не вырывались из звеньев этой цепи, которую кует она от первого человека, – и это еще лучшая участь быть ее орудием, и за это еще должны мы благодарить Бога!”²⁹.

Характерной чертой Станкевича была необыкновенно высокая требовательность к себе. Имея явное литературное и философское дарование, он не

стремился быть литератором, вдруг перестал писать стихи в довольно юном возрасте, не спешил излагать на бумаге свои мысли о тех главных философских вопросах, которые его интересовали и волновали, — не спешил перейти от научного познания к “постройке жизни”. Он считал, что прежде всего нужно образовать себя, основательно выстроить систему мышления (“Я хочу полного единства в мире моего знания, хочу дать себе отчет в каждом явлении, хочу видеть связь его с жизнью целого мира, его необходимость, его роль в развитии одной идеи. Что бы ни вышло, одного этого я буду искать. Пусть другие больше моего знали, может быть, я буду знать лучше — и тут нет лишнего самолюбия. Пришло время. Лучше — я понимаю — отчетливее, в связи с одной идеею, вне которой нет жизни”³⁰), не подозревая, что короткий срок его жизни (неполные 27 лет) не оставит ему возможности для того, чтобы применить на практике все свои таланты.

Правда, в последний период жизни он пришел к необходимости продолжения своих философских занятий уже и в виде научных публикаций. Явно следующим этапом его жизни должна была стать та научная и просветительская деятельность, к которой он готовился. Примерно за два месяца до смерти, находясь за границей (где он сначала учился в Берлине, а затем лечился в Италии), он в письме М. А. Бакунину пытался узнать у него о возможностях в России таких публикаций: “Что делается в литературе? Нет ли какого-нибудь журнала, где б можно было, не пачкавшись, напечатать статью? У меня их много — в голове; журнал не шарлатан и не продажный, вот всё требование — разумеется, читаемый, а то противное хуже двух первых”³¹. В планах Станкевича, кроме статей, была работа над историей философии.

Но в то же время он щедро делился своими познаниями, мыслями, энтузиазмом с близким кругом людей, и это влияние было действительно и благотворно. То, что для своего кружка он был и наставником и нравственным примером, — это было уже вполне практическим делом, которое он вовсе не откладывал на потом, а исполнял его с рвением до последних дней жизни. И относился к этому своему призванию очень серьезно и основательно. Как-то он заметил в письмах 1836 года: “Мне предстоит большой труд — отвечать Грановскому на его сомнения в самом себе, когда я сам, когда мы все так часто подвергаемся этому недугу”³²; “Мне надобно мужаться, встать и дать ответ Грановскому на его сомнения в себе и отчаяние. Никто не может отвечать лучше того, который находится сам в его положении”³³. Но в главном он не сомневался: “Счастье, достойное человека, может быть одно — самозабвение для других; награда за это одна — наслаждение этим самозабвением”³⁴.

Как заметил по поводу Станкевича П. В. Анненков, “на высокой степени нравственного развития личность и характер человека равняются положительному труду и последствиями своими ему несколько не уступают”, подчеркнув, что “гораздо важнее литературной деятельности Станкевича были его сердце и его мысль. <...> В Станкевиче отразилась юность одной эпохи нашего развития: он как будто собрал и совокупил в себе лучшие нравственные черты, благороднейшие стремления и надежды своих товарищей”³⁵.

Он готовил себя к значительной деятельности, считая главными задачами просвещение народа и освобождение от крепостного права. По воспоминаниям Я. М. Неверова, Станкевич незадолго до смерти взял обещание с него и Т. Н. Грановского посвятить все силы и деятельность этой высокой цели.

И. С. Тургенев, много общавшийся со Станкевичем в конце его жизни, вспоминал об этом в письме М. А. Бакунину: “Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев! <...> В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет — начало развития моей души! Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих речей! <...> Станкевич! Тебе я обязан моим возрождением: ты протянул мне руку — и указал мне цель. <...> Благодарность к нему — одно из чувств моего сердца, доставляющих мне высшую отраду”³⁶.

Благотворное и сильное влияние Станкевича сказало и на всех участниках его кружка, и в целом на культурной и идейной жизни России той эпохи. “Благороднейшим и чистейшим эпизодом истории русской литературы”³⁷ назвал кружок Станкевича Н. Г. Чернышевский. Он писал: “Предмет этот имеет высокую важность для истории нашей литературы, потому что из тесного дружеского кружка, о котором мы говорим и душою которого был Н. В. Станке-

вич, <...> вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей новой словесности, от Кольцова до г. Тургенева³⁸. Как подчеркивал А. И. Герцен, “влияние его (кружка Станкевича. — И. М.) на всю литературу и на академическое преподавание было огромно”³⁹. В. В. Зеньковский выделял особенное значение Станкевича для утверждения “эстетического гуманизма” и “действенного идеализма” как основных черт идеологии русской интеллигенции⁴⁰.

Ю. В. Манн в книге “В кружке Станкевича” отмечает: “Станкевич так и не успел создать ни одного из тех произведений, к которым упорно себя готовил, но сама его жизнь, запечатленная в общественной памяти, стала великим произведением. А тот “благороднейший и чистейший эпизод”, в который вылилась жизнь его кружка, навсегда превратился в неотъемлемое звено отечественной культуры”⁴¹.

* * *

В Белгородской области в селе Мухоморова, вблизи которого была усадьба Станкевича и где он похоронен, создан музей Станкевича. Здесь ежегодно осенью проходит литературный праздник “Удерецкий листопад”, издается одноименный литературно-краеведческий альманах.

В Воронеже 2013 год объявлен Годом Н. В. Станкевича, запланированы посвященные ему выставки, лекции, экскурсии, публикации и доклады на краеведческих чтениях.

Но самая яркая часть биографии Н. В. Станкевича связана с Москвой. Здесь он учился в университете и создал кружок единомышленников. Кружок Станкевича в Москве в первой половине 1830-х годов собирался на улице Большая Дмитровка, где он тогда жил (этот дом не сохранился), а в 1836–1837 годах – в Большом Афанасьевском переулке, в доме 8. Этот дом является объектом культурного наследия, который так и называется – “Дом Станкевича”, однако здесь нет ни мемориальной доски, ни какой-либо таблички, напоминающей об этом. Необходимо почтить память выдающихся людей, пребыванием которых отмечен этот дом. Это особенно актуально, так как в 2010-х годах отмечается 200 лет со дня рождения В. Г. Белинского (2011 год), Н. В. Станкевича (2013 год), М. А. Бакунина (2014 год), К. С. Аксакова (2017 год). На мемориальной доске можно было бы написать: “В этом доме жил и работал Н. В. Станкевич, видный философ, поэт, просветитель первой половины XIX века. Здесь неоднократно бывали великий русский критик В. Г. Белинский, выдающийся философ М. А. Бакунин, выдающийся историк и публицист К. С. Аксаков”.

Кроме того, в этом доме, одном из немногих в Москве зданий, связанных с пребыванием Белинского, можно было бы создать музей великого критика и его окружения в московский период его жизни. Экспозиция такого музея могла бы рассказывать, в частности, о Н. В. Станкевиче, М. А. Бакунине, К. С. Аксакове и в целом о кружке Станкевича как выдающемся явлении идейной, научной и духовной жизни России XIX века.

В Москве раньше, до 1990-х годов, неподалеку от улицы Белинского (рядом с университетом и “ректорским домом”, где он жил в середине 1830-х годов) была улица Станкевича, связанная с его биографией, – это переулок, идущий от Тверской улицы и расположенный рядом со зданием мэрии. Дом № 6 на этой улице принадлежал брату Н. В. Станкевича, и Николай Владимирович здесь бывал. К сожалению, ни того, ни другого названия на карте Москвы в 1990-е годы не стало. И зря. Беспамятство в отношении выдающихся людей не украшает ни нас всех – их далеких потомков, ни улицы города.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М., 1998. С. 280, 285.

² Письмо Л. А. Бакуниной от 16 декабря 1837 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 182–183.

³ Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 223.

- ⁴ Там же. С. 129.
- ⁵ Письмо Я. М. Неверову от 2 декабря 1835 года// Н.В.Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 134.
- ⁶ Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 41.
- ⁷ Письмо В. Г. Белинскому от 30 октября 1834 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 111–112.
- ⁸ Письмо Я. М. Неверову от 21 сентября 1836 года// Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914. С. 365.
- ⁹ Письмо Я. М. Неверову от 21 сентября 1836 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 145–146.
- ¹⁰ Письмо Е. П. и Н. Г. Фроловым от 7 апреля 1840 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 215.
- ¹¹ Письмо Л.А.Бакуниной от 2 июня 1837 года// Н.В.Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 167.
- ¹² гуманизм (*лат.*).
- ¹³ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1973. [Т. 2]. Части 4–5. С. 37.
- ¹⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. IX. М, 1956. С. 435–436.
- ¹⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XI. М, 1956. С. 367.
- ¹⁶ Там же. С. 339.
- ¹⁷ Т. Н. Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897. С. 404.
- ¹⁸ Т. Н. Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897. С. 101.
- ¹⁹ Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 119.
- ²⁰ Указ. соч. С. 9.
- ²¹ Указ. соч. С. 11.
- ²² Указ. соч. С. 115–116.
- ²³ Указ. соч. С. 22, 58–59, 119.
- ²⁴ благовоспитанность (*франц.*).
- ²⁵ И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 12. М., 1979. С. 297–298.
- ²⁶ Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 125–126.
- ²⁷ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 60. М., 1949. С. 272, 274.
- ²⁸ Письмо М. А. Бакунину от 24 ноября 1835 года// Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914. С. 592.
- ²⁹ Письмо Я. М. Неверову от 15 февраля 1836 года // Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914. С. 138.
- ³⁰ Письмо Т. Н. Грановскому от 29 сентября 1836 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 149–150.
- ³¹ Письмо М. А. Бакунину от 19 мая 1840 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 219.
- ³² Письмо Я. М. Неверову от 21 сентября 1836 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 145.
- ³³ Письмо М. А. Бакунину от 21 сентября 1836 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 147.
- ³⁴ Письмо Я. М. Неверову от 21 сентября 1836 года// Н. В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 145.
- ³⁵ Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857. С. 4–5, 236.
- ³⁶ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Письма в 18-ти т. Т. 1. М., 1982. С. 162–163.
- ³⁷ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1984. С. 235.
- ³⁸ Там же. С. 235.
- ³⁹ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1973. [Т. 2]. Части 4–5. С. 33.
- ⁴⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2011. С. 241.
- ⁴¹ Манн Ю. В. В кружке Станкевича. М., 1983. С. 317.